

Последняя мелодия

Я пытаюсь уколоть сонный дух, тупую плоть,
Рядовой очнись, вернись на миг домой.

Р. Киплинг. Песня банджо.

1.

Солнце медленно опускалось за горизонт. Огромное, теплое, и в тоже время такое чужое Аэгасское солнце. Своими последними лучами оно осветило походный лагерь 412 егерского¹ полка. Жизнь в нем затихала одновременно с приходящей темнотой. Наступала ночь. Вместе с ней уходил еще один простой день непростой солдатской жизни. Но этого, как обычно, никто не заметил. Здесь было не принято считать время.

Стояла тишина, которая иногда нарушалась звоном оружия часовых и редкими тихими переговорами. Полк, уставший от непрерывных маршей и боев, отдыхал. Поэтому драгоценное время не тратилось на болтовню или развлечения. Все просто наслаждались тишиной.

Впервые за много дней тела могли отдохнуть от бронежилетов, ноги почувствовали свободу от тяжелых солдатских ботинок. Впервые за много дней автомат не тянул книзу плечо или его сталь не согревала руки во время стрельбы. Впервые за много дней можно было дать глазам отдых, не наблюдая за каждой ямой, каждым камнем и кустом. Многие простые вещи показались для них очень сложными. Полк отдыхал.

Этот закат отличался от многих – небо раскрасили не яркие вспышки от разрывов энергетических пушек эльфийских шагоходов или тяжелых людских танковых орудий, а ярко бьющие лучи заходящего солнца. В лесу шелестели только листья, а не покрытые зеленым камуфляжем эльфийские снайпера.

Не спалось. Ближе к полуночи многие егеря вышли босиком в ночную прохладу. Мириады далеких звезд смотрели на них с высоты огромного и чужого неба. Лагерь освещался лазурным цветом двух лун, которые, казалось, осуждали находившихся внизу маленьких людей. Осуждали за то, что они пришли в этот прекрасный мир, и нарушили всю его красоту и гармонию.

¹ Егеря – вид легкой пехоты

И действительно, только сейчас они заметили, как нелепо смотрится на этой зеленой планете защитный цвет их камуфляжа. Впервые за много дней они смогли оценить Аэгасс по-человечески, а не через прицелы автоматов. Почувствовалась неловкость. Простые людские чувства стали преобладать над уставом. Им стало стыдно за тысячи растений, которые были втоптаны в пыль ударами марширующих ног, за все пейзажи, что уничтожили выстрелы и разрывы снарядов, за все то зло, которое они принесли с собой из далекой Империи, разрушая изящный эльфийский мир.

Вдруг чуткое ночное эхо подхватило тихий, бренчащий звук, который раздался из одной палатки. Обыкновенный аккорд гитары, который показался всем таким далеким и бессмысленным. Здесь он казался лишним. Но, несмотря на это, звук усилился, и вскоре над отдыхающим лагерем заиграла тихая и спокойная мелодия старой имперской лирической песни.

Оставшиеся в палатках егеря тихо, стараясь не нарушить этот звук, стали выходить на улицу. Они не говорили ни слова. Просто стояли и слушали, осматривая прекрасные пейзажи Аэгасса. Все почувствовали, что что-то изменилось, но не могли понять, что именно.

Поняли это только гитара и природа. Ночь приняла в себя этот грустный и мелодичный звук из далекого, чужого мира. Только он показался этой планете родным из всего того, что принесла с собой Империя.

Все почувствовали, что что-то изменилось. Не вокруг, а в сердцах. Только в этот момент егеря стали вспоминать, о том, что они почти забыли: о своей родине, о мирной жизни. В гитарных аккордах каждый слышал своё: шум ветра на огромных просторах родной планеты, плач бушующих волн мирового океана, первый поцелуй, плач ребенка, голос родителей. На время была забыта действительность: разбитая войной природа, незнакомые, холодные звезды, кровь, лязг затворов, вой бронемашин, разрывы снарядов и гранат. Весь окружающий мир показался таким родным, как будто их дом был здесь, а не далеко в космосе.

Никто из стоящих пехотинцев не знал, почему играла эта мелодия, никто кроме одного человека: молодого центуриона, пальцы которого находились в этот момент на струнах. Именно он нарушил тишину этого мира и покой в сердцах егерей. Играл он не для себя и не для полка, а для одной девушки, которая в этот момент находилась далеко отсюда, дома. Он обещал не забывать ее и для этого его руки лежали сейчас на гитаре. Вдруг с его глаз упали слезы, которые ударились о струны. Центурион нежно положил гитару.

Резко наступила тишина. Мелодия прервалась так же резко, как и появилась. Все вернулось: чужой, эльфийский мир, грязно-зеленые палатки, природа, испорченная защитным цветом.

Две луны снова мрачно освещали лица солдат. Многие не старались скрыть слез, выступивших на глазах. Почему-то им не было стыдно.

2

Как воинственный тамтам, я твержу, грожу врагам
Здесь идет победный белый человек.

Р. Киплинг. Песня банджо.

Впереди их ждал долгий и трудный переход через горный перевал. Именно здесь егеря впервые ощутили настоящую, злую красоту Аэгасской природы. Теперь они видели звезды даже днем, чужое небо стало намного ближе и дышало на них холодным и разряженным воздухом. Необыкновенной белизны горный снег слепил глаза, лавины хоронили егерей сверкающим льдом.

Тяжелые бронежилеты и вещмешки мешали двигаться, оружейная сталь обмораживала руки, кислородные маски давили на голову, мороз обжигал тела, но, несмотря ни на что, пехотинцы шли. Даже над облаками они продолжали идти вверх.

Километры подъема на горную вертикаль делали свое дело: полк нес огромные потери. Против этого врага они не могли бороться обычным оружием. Против них воевала планета.

Могилы были не нужны. Замерзших не хоронили. На это не тратили времени. Просто оставляли их под постоянным присмотром бледного света двух лун. Сотни человек остались вечными часовыми этого горного перевала. Они стали частью страшного пейзажа.

Вверх, вверх, вверх. Наконец, 412-й достиг вершины этого мира, пика перевала Герей. Но восторга не было. Это был конец.

Сил больше не осталось даже на то, чтобы поставить палатки. Пехотинцы уставшего полка просто лежали на снегу и замерзали. Идти они больше не могли. Не хватало кислорода. Обмороженные руки не слушались. Офицеры прекратили командовать. Теперь их ждало только одно: смерть под чужими звездами.

Над горным перевалом стояла тишина, но не такая как тогда в походном лагере. Мертвая, тяжелая тишина, нарушаемая лишь воем ветра. Казалось, он уже играл панихиду по солдатам. Звезды, которые были так близко, звали их к себе. Оставалось еще немного.

Природа брала верх над слабыми солдатскими сердцами. «Усни егерь, и все кончится, отдыхай», - так говорило все вокруг.

Вдруг чуткое горное эхо подхватило аккорды старой лирической имперской песни, и ветер быстро разнес этот звук по перевалу. Но на этот раз звучала она по-другому. Не гармонируя с природой, а борясь с ней. «Полк, встать. Боритесь, не для себя. Боритесь для тех, кто ждет вас дома, для жен, матерей, возлюбленных». Именно это егеря слышали в голосе струн. Именно это слышали горы на вершине мира, склоны и лавины, звезды и луны чужой планеты.

Но этого было мало, одна лишь мелодия не могла ничего сделать. Тогда центурион, сняв кислородную маску, задыхаясь, запел песню, знакомую каждому влюбленному жителю империи:

Опять звезда упала,
Зачем мне их мерцанье?
Упавшая сказала:
«Не сбудется желанье».

«Мечтаешь ты напрасно», -
Созвездия шептали, -
«Все знаешь ты прекрасно,
Зачем тебе печали?»

Ворчит луна, всё взвесив:
«Нет, ты не будешь рядом,
Не будете вы вместе,
Гулять под звездопадом».

А млечный путь шептал:
«Прими мою услугу:
Знай рыба и весы,
Не подойдут...»

На этом песня оборвалась одновременно с мелодией. Конечно, это было безумием. И Аэгасс не прощал ошибок.

Где-то сошла лавина, за ней еще одна. Этот слабый голос нарушил тишину. И рас- тревожил мертвый покой гор. Жажда жизни вернулась в солдатские тела. Один рядовой медленно поднялся и пошел к тому месту, откуда играла песня. На снегу лежал мертвый центурион и его руке он держал фотографию молодой девушки. «Она должна узнать об этом, все должны узнать», - подумал про себя рядовой. Подняв фотографию и записку, лежащую рядом с ней, он посмотрел вокруг: многих егерей эта песня пробудила от их смертельного сна, это подействовало на них больше чем крики и приказы. Рядовой взял гитару и вскоре над всей горной вершиной, как угроза холоду, снегу, звездам и лунам, заиграл походный имперский марш. Он звенел над облаками, между небом и землей, грозная мелодия, которая говорила о том, что Аэгассу грозит порабощение, что для него все кончено. Тихая песня и марш смешались в одном порыве. Они вселили в егерские сердца надежду и злобу. Они почувствовали себя хозяевами здесь. Этот перевал, это небо, они покорили их.

С этим природа сделать ничего не смогла. Она сдалась и позволила людям с чужой планеты пройти свое сердце - Герейский перевал. Последняя черта была преодолена. Через несколько недель 412-й полк, подавив тяжелое сопротивление эльфийских отрядов, займет Герею - столицу планеты. Аэгасс перейдет под контроль Империи.

412 егерскому полку будет присвоено почетное звание Авийский. Не в честь планеты, а по имени молодого центуриона Авия Мария, того, что замерз тогда на перевале, но до последнего вздоха пел для одной девушки песню, которая спасла многих солдат.

Это был всего лишь их первый год из семи, из семи лет военной службы. Впереди будут жестокие бои в провинциях Хост и Керак, впереди будут горные перевалы Импрозии, переход через которые был намного страшнее, чем через Герей, впереди их будут ждать бесконечные сражения на различных планетах. Но после того как немногие выжившие вернутся в Империю, и их будут спрашивать, что им больше всего запомнилось на войне, каждый егерь ответит, что никогда не забудет тихую и грустную имперскую песню, которая смогла вернуть их домой из далекого и чужого мира... Из многих миров.

Заключение

Он пространствами до гроба покорен,
Он поддался на приманку дальних стран,
Перед смертью в стоне струн услышит он,

Как стенают снасти в ярый ураган.

Р. Киплинг. Песня банджо.

Он не мог понять, что изменилось. Вроде все как тогда, 7 лет назад, когда он улетел из империи как егерский рядовой. Вернулся он легатом – командиром полка. Все как обычно, но чего-то не хватало.

Золотой дворец Империи, конная гвардия, прекрасные колесницы, люди в дорогих одеждах, все как тогда, но чего-то не хватало.

Новая жизнь быстро закружила его. Старые друзья были забыты. Служба в Преторианской когорте, еженедельные балы, встречи с императором, дорогие рестораны, женщины. Все это должно было радовать, но в его душе не было покоя. Он не понимал почему. Каждый день тянулся долго и однообразно. Ни радости, ни печали, просто серая скука. Каждую минуту он ждал разрыва снарядов, приказа в бой, но этого не было. Не было ни ранних подъемов, ни криков раненых. Простая жизнь казалась ему скучной. Многое начало забываться, но пустота оставалась. Однажды случилось то, что навсегда изменило его жизнь.

Ему стало тесно в душном городе. И он пошел, просто пошел вперед. К вечеру он пересек городскую черту и остановился у берега озера. Он не был здесь очень давно и теперь он смотрел по-новому на красоту закатного дня.

Солнце. Оно было похоже на то, далекое Аэгасское солнце, под которым он провел свою юность, именно под ним прошли все радостные и печальные моменты его жизни. Он начал понимать. Он захотел вернуться, но не обратно в чужую столицу, а в свой родной Аэгасс. Этот мир стал для него чужим. А человек изменился изнутри. Дальняя планета звала его к себе.

Неожиданно он вспомнил многое: свои первые бои на Аэгассе, небо на закате, красивую мелодию, игравшую в ночной тишине и на горном перевале, мертвые глаза замерзшего центуриона, фотографию, которую он должен был отдать, но забыл об этом. От стыда ему хотелось плакать.

Ему было стыдно перед погибшими, перед теми, кто сейчас воевал в далеких колониях, за свою мирную жизнь. Он понял, что ему делать.

Стук. Женщина вышла на порог. За дверью стоял мужчина в форме легата егерского полка. Он посмотрел на нее и, приклонив колено, прижал правую руку к своей груди, в знак высшего имперского почтения. После этого он потянул ей конверт и молча ушел.

Она вскрыла письмо. В нем лежала ее фотография и два листка бумаги. На одном были написаны пара строк почерком её погибшего возлюбленного: «прости меня, если я не вернусь. Я выучил ту мелодию и играл ее только для тебя». На втором незнакомым почерком было выведено: «Спасибо Вам. Его любовь согрела 5 тысяч человек, замерзающих на горном перевале. Мне очень жаль, что так получилось».

Легат переменился навсегда. Он вернулся на Аэгасс, но и там не нашел покоя, сердце звало его дальше: Импрозия, Форн, Карадан, Таргус. Он не помнил, на скольких планетах воевал, никогда не заводил друзей. Все время молчал. Его интересовали новые миры, так как он потерял свой единственный мир. Тому, кто слышит зов колонии, нет родины. Это было наказание, расплата за кровавую службу. Эта была его цена.

Свою службу он закончил первым консулом. Он был сильно ранен во время восстания на Аэгассе. Его последним желанием было услышать старую имперскую лирическую песню про любовь. Он тихо умирал под медленный шепот струн. И в этот момент, он вспомнил, он понял, где его настоящий дом. Консул смотрел в ночное небо на звезды, стараясь среди них найти свою родную планету. Глаза его закрылись одновременно с последним аккордом.